

№ 45 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Апрель, 2016

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Сергей Маркедонов

Об авторе:

С.М. Маркедонов

Доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, Россия

*Данный текст отражает личное мнение автора,
которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.*

Россия–Турция: от противоречий к конфронтации

Прошлогодний инцидент с российским бомбардировщиком Су-24 кардинально изменил характер отношений между Россией и Турцией. Стратегическое партнерство (а именно так виделась российско-турецкая кооперация лидерам двух стран) сменилось жесткой конфронтацией. Внешний эффект был усилен тем, что отношения Москвы и Анкары еще недавно рассматривались, как пример успешной трансформации противостояния двух евразийских гигантов, исторических конкурентов и геополитических противников, – в успешное сотрудничество.

Но трагедия 24 ноября 2015 года не открыла принципиально новых противоречий между Москвой и Анкарой, о которых до этого было бы неизвестно. Так, еще в 2009 году, когда отношения между двумя государствами развивались по нарастающей (и прошли, среди прочего, испытание событиями «пятидневной войны» на Кавказе), турецкий эксперт Бюлент Араз использовал метафору «соревновательное соперничество» и предрекал взаимодействию РФ и Турции «многообещающие, но сложные перспективы»¹.

Динамично развивающиеся экономические связи² не могли полностью скрыть различия в подходах Москвы и Анкары, которые имелись относительно нагорно-карабахского урегулирования, ситуации вокруг Кипра, развития закавказской энергетики. После так называемой арабской весны и начала вооруженного противостояния в Сирии обозначились серьезные противоречия по поводу политических перспектив Ближнего Востока. Россия и Турция использовали разную оптику во взглядах на разрешение сирийского конфликта. Москва в качестве главной угрозы видела укрепление радикальных джихадистских группировок и коллапс государственности в регионе, что создавало риски для самой РФ и соседних стран постсоветского пространства. Анкара же, с одной стороны, искала возможности для укрепления своих позиций в качестве ближневосточной региональной сверхдержавы, а с другой – стремилась к сдерживанию любых проявлений курдского самоопределения. В 2014 году к отмеченным выше противоречиям добавились расхождения по статусу Крыма. И хотя после перехода полуострова под юрисдикцию России Анкара не поддержала введение санкций, объявленных ее партнерами по НАТО, четкую позицию по этому вопросу она обозначила. По справедливому замечанию Павла Шлыкова и Натальи Ульченко, тема Крыма и Украины во многом искусственно подогревалась и вводилась в широкий общественно-политический оборот³.

¹ Aras B. *Turkey and the Russian Federation: An Emerging Multidimensional Partnership* // Policy Brief. Foundation for Political, Economic and Social Research | August, 2009. Brief No: 35. P. 9–12.

² На момент развернувшейся конфронтации две трети турецкого газового импорта приходилось на Россию. Турция же была вторым после Египта направлением для российских туроператоров. За 2014 год там побывали порядка трех миллионов туристов из РФ. // См. подробнее Skalamera M. *A Kink In the Pipeline. Why Turkish-Russian Gas Diplomacy Won't End Well for Ankara* // <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2015-10-11/kink-pipeline> 2015, October, 11; Мовчан А. Как скажутся на России санкции против Турции // <http://carnegie.ru/commentary/2015/12/22/ru-62340/imfq> 2015, 30 ноября.

³ Шлыков П.В., Ульченко Н.Ю. *Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности*. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. С. 79.

Таким образом, ноябрьский инцидент прошлого года перевел количество старых проблем и противоречий в новое качество. Он воочию продемонстрировал, что даже эффективная экономическая кооперация, существующая поверх внешнеполитических противоречий, не может обеспечивать устойчивый характер в отношениях между государствами. А критические выпады в адрес США, на которые не скупилась представители турецкого истеблишмента, не означают автоматического совпадения позиций по широкому спектру вопросов с российскими партнерами.

Большой Кавказ: риски и угрозы в тени Сирии и Украины

Сегодня в фокусе внимания политиков и экспертов находится ближневосточный театр российско-турецких отношений. Однако они не ограничиваются одной лишь Сирией. Не менее важным представляется анализ той динамики, которая имеет в других регионах, прежде всего, на Большом Кавказе. При таком подходе станут понятны и возможные риски для нарастания конфронтационных трендов, и лимиты для них, и возможности для поиска возможных компромиссов.

В настоящее время политическая ситуация в Кавказском регионе вытеснена на обочину информационной повестки дня событиями вокруг Ближнего Востока и Украины. Однако, несмотря на смещение внимания экспертов и дипломатов, этот регион по-прежнему сохраняет свою стратегическую значимость.

Во-первых, дают о себе знать неразрешенные конфликты, в особенности нагорно-карабахское противостояние, где в последнее время возросло количество вооруженных инцидентов (не только на линии соприкосновения сторон, но и на границе Армении и Азербайджана, за пределами конфликтного региона)⁴. В отличие от Нагорного Карабаха, ситуация в Абхазии и Южной Осетии выглядит относительно спокойной. Две частично признанные республики получили военно-политические гарантии и социально-экономическую помощь со стороны России, а Грузия, несмотря на официальную риторику о восстановлении территориальной целостности как важнейшем приорите-

⁴ 12 ноября 2014 года вооруженными силами Азербайджана был уничтожен армянский военный вертолет Ми-24 (погибли три члена экипажа). В ночь с 8 на 9 декабря 2015 года на линии соприкосновения сторон были использованы танки. Эти инциденты стали первыми случаями уничтожения боевой машины авиации и применения танковой техники в зоне конфликта, начиная с мая 1994 года. В ночь с 1 на 2 апреля 2016 года военные столкновения активизировались вдоль всей линии соприкосновения конфликтующих сторон. 5 апреля начальники генеральных штабов Армении и Азербайджана подписали в Москве соглашение о прекращении огня. Эта вооруженная конфронтация стала самой крупной за все 22 года перемирия. // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/252305/> 2014.- 13 ноября. // <https://lenta.ru/news/2015/12/09/karabakh> 2015. – 9 декабря <http://m.lenta.ru/news/2016/04/02/karabakh/> 2016.- 2 апреля.

те, не предпринимает усилий по установлению своей юрисдикции над Сухуми и Цхинвали. Необходимо признать, что абхазский и югоосетинский выбор упрочил связи Тбилиси с США, НАТО и ЕС. Правительство «Грузинской мечты» не только не пересмотрело прозападный вектор времен президентства Михаила Саакашвили, но и укрепило его. При этом действия Южной Осетии по пограничному размежеванию (известные как «бордеризация»), поддерживаемые Москвой, вызывают у Тбилиси и Запада опасения по поводу продвижения России на собственно грузинскую территорию.

Во-вторых, Россия и США по-прежнему рассматривают Южный Кавказ как площадку для геополитической конкуренции, и события вокруг Украины лишь оттенили, но не отменили этот факт. Для Вашингтона данный регион интересен в контексте «энергетического плюрализма», т.е. альтернативного обеспечения Европы нефтью и газом, а также как ресурс для сдерживания амбиций Тегерана и Москвы. Для России, имеющей в своем составе семь республик Северного Кавказа, положение дел в соседних странах по другую сторону Кавказского хребта видится как продолжение внутривосточной повестки, особенно в сфере безопасности.

В-третьих, помимо уже имеющих проблем значительно выросла роль так называемых фоновых факторов. Речь идет, прежде всего, об угрозе со стороны «Исламского государства»⁵ Ранее джихадистские структуры Ближнего Востока, такие как Аль-Каида⁶, не объявляли Кавказ сферой своих интересов или приоритетным регионом. Летом 2014 г. представители ИГ сделали подобное заявление: сегодня в данной структуре немало людей кавказского происхождения⁷.

Если же говорить о влиянии украинского кризиса, то он вывел на более высокий уровень конкуренцию между европейской и евразийской интеграцией. Часть постсоветских государств (среди них Грузия) выбрали подписание Соглашения о свободной торговле с Европейским Союзом, часть (в их числе Армения) – вхождение в состав Евразийского экономического Союза под эгидой Москвы, а некоторые (например, Азербайджан) – балансирование между разными интеграционными векторами. При этом и те, и другие страны, вовлеченные в этнополитические конфликты, рассматривают интеграционные возможности, как дополнительный инструмент для обеспечения своих интересов. Кризис на Украине способствовал еще большей активизации контактов между Грузией и НАТО. И хотя Тбилиси не приобрел ПДЧ (План действий по членству), в сентябре 2014 года он получил пакет «усиленного сотрудничества» с Североатлантическим альянсом. В Крцаниси же, в августе 2015 года открылся совместный учебный центр для подготовки грузинских офицеров и военных из стран НАТО и государств-партнеров блока⁸.

⁵ Запрещенная в России организация. – Прим. ред.

⁶ Запрещенная в России организация. – Прим. ред.

⁷ Подробнее см.: Маркедонов С.М. «Исламское государство»- угроза для Большого Кавказа // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6823#top-content 2015. – 9 ноября.

⁸ В Грузии открылся военный учебный центр НАТО // <http://www.memo.ru/d/245378.html> 2015.- 27 августа.

Турция на Кавказе: традиции, мотивы, интересы

В отличие от США и стран Евросоюза, Турция – не новичок в кавказской политике. В XVI–XVIII вв. исторический предшественник Турецкой республики – Османская империя – вела борьбу за доминирование на Кавказе с Персией, а в XVIII – начале XX вв. – с Российской империей. Значительная часть территорий нынешних государств Южного Кавказа в различные периоды входили в состав этого мощного имперского образования. Однако в течение многих десятилетий после создания современной Турции ее элита игнорировала кавказское направление. Вдохновленная идеями Кемаля Ататюрка о том, что ислам и имперское наследие консервируют отсталость и сдерживают модернизационные импульсы, она была обращена к Европе (а после 1945 года – и к США). В итоге Кавказ был отодвинут на задний план турецкой внешней политики. В годы холодной войны Турция была лишь натовским форпостом по отношению к южной части Советского Союза, «вероятного противника» Запада.

По справедливому замечанию Керима Хаса, эксперта по евразийской политике Международной организации стратегических исследований (Анкара), «распад Советского Союза позволил Турции после долгого исторического перерыва заново открыть ряд территорий, одним из которых стал Кавказ – регион, граничащий со Средней Азией и связанный с ней тесными историческими, этническими, культурными, лингвистическими и религиозными узами»⁹. С приходом же к власти в Турции Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом Анкара стала вести более активную и самостоятельную политику в регионах, которые относились исторически к «османскому пространству». Именно Эрдоган в 2008 году после завершения «пятидневной войны» предложил т.н. Платформу стабильности и сотрудничества на Кавказе. Впрочем, эта инициатива не получила реализации в силу разнонаправленных интересов самих стран региона, а также внешних игроков.

Интерес Турции к Кавказу определяется несколькими базовыми факторами.

Во-первых, она имеет прочные связи с тюркоязычным Азербайджаном. Анкара признала независимость этой страны уже 9 декабря 1991 года, то есть через день после подписания Беловежских соглашений. И за последние четверть века две страны превратились в стратегических союзников. Турция последовательно поддерживает территориальную целостность Азербайджана и осуждает действия Армении в Нагорном Карабахе.

Турецкие военные принимают активное участие в подготовке и переподготовке азербайджанского офицерского корпуса. Турция, начиная с апреля 1993 года и до настоящего времени, блокирует сухопутную границу с Арменией (порядка 300 км).

И хотя общественное мнение Турции время от времени требует применить к Еревану более жесткие меры и активнее поддержать Азербайджан, официальная

⁹ Хас К. Турция и Азербайджан – не только энергетика // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7357#top-content 2016- 9 марта.

Анкара стремилась уходить от прямого вовлечения в военное противоборство. Турецкая дипломатия, по большей части, стремилась мобилизовать международное общественное мнение против действий Армении. В Турции также велась информационная кампания по обличению армянских властей и диаспоры, якобы оказывающей помощь Рабочей партии Курдистана (организации, которую в Турции рассматривают как террористическую).

Азербайджан и Турция вовлечены в различные энергетические проекты (Баку – Тбилиси-Джейхан и Баку – Тбилиси – Эрзурум, Трансанатолийский и Трансадриатический газопроводы) и инфраструктурные программы (железная дорога Баку-Ахалкалаки-Тбилиси-Карс). И если цель первых стать альтернативным поставщиком углеводородного сырья в страны Евросоюза, то железнодорожное строительство фактически нацелено на усугубление региональной изоляции Армении, поскольку ведется в обход ее территории и без ее участия.

Во-вторых, общие интересы связывают Турцию и Грузию. Официальный Тбилиси стремится в НАТО (если не стать полноправным членом альянса, чему мешают неразрешенные этнотерриториальные конфликты, то, как минимум, укрепить военно-политические связи с ним), в то время как Анкаре важно увязать свои региональные амбиции с поддержкой Североатлантического блока. Две страны также объединяет и участие в совместных энерготранспортных проектах. С помощью турецкого бизнеса удалось реконструировать аэропорты в Тбилиси и в Батуми. Следует также отметить такие сферы двусторонней кооперации, как военно-техническое сотрудничество (модернизация аэродрома в Марнеули) и торговля.

В-третьих, значительную роль играет фактор кавказских диаспор. По различным оценкам, порядка 10% населения современной Турции имеют связь с Северным Кавказом и Закавказьем. Приблизительная численность выходцев из северокавказского региона оценивается в 3–5 миллионов человек, азербайджанцев – 3 миллиона, грузин – 2–3 миллиона. Многие из них ведут активную общественную и лоббистскую деятельность, они представлены в армии, парламенте, медийных структурах, являются важным электоральным ресурсом. Среди наиболее влиятельных кавказских НПО мы можем назвать *Kafkas Derneği* («Кавказская Ассоциация»), *Kafkas Vakfı* («Кавказский Фонд») и *Birleşik Kafkas Dernekleri Federasyonu* («Объединенная Федерация кавказских ассоциаций»). Есть также *Çeçen Dayanışma Grubu* («Группа чеченской солидарности»), сформированная чеченцами. Азербайджанская и грузинская диаспора имеют свои организации: *Azerbaycan Dostluk Derneği* («Азербайджанская Ассоциация дружбы») и *Gürcistan Dostluk Derneği* («Грузинская Ассоциация дружбы»)¹⁰.

В-четвертых, турецкие действия на Кавказе воспринимаются в контексте не только внешнеполитических подходов Анкары, но и как солидарное участие

¹⁰ Aydin M. *Changing Dynamics of Turkish Foreign and Security Policies in the Caucasus // Reassessing Security in the South Caucasus Regional Conflicts and Transformation*. Ashgate Publishing Company. 2011. P. 117–120.

в освоении региона Западом. США и их союзники из стран Евросоюза всячески поддерживают трехстороннюю кооперацию Турции, Азербайджана и Грузии. По словам эксперта вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Джеффри Манкоффа, приоритетом США «является продвижение геополитического плюрализма и обеспечение поставок каспийской нефти и газа в Европу. В зависимости от развития мировых энергетических рынков, в ближайшее десятилетие значение поставок каспийских энергоресурсов для Европы может пойти на убыль. Но США все же будет поддерживать трубопроводы через Южный Кавказ как средство для обеспечения геополитического плюрализма», то есть минимизации российского военно-политического присутствия в регионе¹¹. Согласно выводам авторов доклада «Проследивая Кавказский круг» (Фиона Хилл, Кемаль Кириши и Эндрю Моффатт), вышедшего в свет под эгидой Института Брукингса в июле 2015 года, вовлеченность Вашингтона и его союзников в региональные дела невелика, и этот недостаток следует исправить. При этом авторский коллектив рассматривает Турцию, наряду с ЕС и США, как часть коллективного Запада¹². Схожим образом трактует турецкие действия в Закавказье (то есть, как вклад в западное «вовлечение») и руководитель программы по изучению Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии в известном европейском институте FRIDE Йос Боонстра в своем докладе «Южнокавказский концерт: каждый играет на свой лад» (опубликован в сентябре прошлого года)¹³.

В-пятых, самым проблемным вопросом для турецкой внешней политики на постсоветском пространстве стала Армения. За последние два с половиной десятилетия эти две страны не раз предпринимали попытки сломать негативный тренд, однако видимых успехов не достигли. После подписания в октябре 2009 года двух протоколов о восстановлении дипотношений и общей нормализации, процесс примирения вошел в состояние стагнации, в котором пребывает и в настоящее время. По-прежнему не установлены дипломатические отношения, продолжается блокада сухопутной границы. Интерпретация трагических событий 1915 года в Османской империи, официально принятая на государственном уровне, до сих пор жестко противопоставляет Армению и Турцию. Остроты отношениям добавляет и стратегическое взаимодействие Москвы и Еревана. Армения вместе с Россией состоит в Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), а 102-я российская военная база в Гюмри дислоцируется именно на армяно-турецкой границе.

¹¹ Джеффри Манкофф о кавказских приоритетах США // <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21245> 2014-10 февраля.

¹² Hill F., Kirişci K. and Moffatt A. *Retracing the Caucasian Circle: Considerations and constraints for U.S., EU, and Turkish engagement in the South Caucasus* // <http://www.brookings.edu/research/reports/2015/07/south-caucasus-engagement> 2015, July.

¹³ Boonstra J. *The South Caucasus concert: Each playing its own tune* // <http://www.cascade-caucasus.eu/wp-content/uploads/2015/09/WP-128-ok.pdf> 2015, September.

Москва и Анкара: кавказская региональная динамика

Российско-турецкие отношения на кавказском направлении за последние четверть века переживали и спады, и подъемы. Были и резкие расхождения во время вооруженной фазы нагорно-карабахского конфликта (1991–1994) и в период первой антисепаратистской кампании России в Чечне; случались и компромиссы, и признание нового статус-кво на Северном Кавказе в начале 2000-х, а в Закавказье – после 2008 года (в целом выгодного РФ).

Несмотря на то, что относительно статуса Абхазии, Южной Осетии и территориальной целостности Грузии Москва и Анкара имели разные взгляды, Турция не вступала в открытую полемику по этой проблеме. Наличие абхазской диаспоры внутри этой страны, а также бизнес-контакты граждан Турции – выходцев из Абхазии со своей исторической Родиной делали политику Анкары более нюансированной. Турцию посещали, пускай и с частными визитами, первый и второй президенты Абхазии Владислав Ардзинба и Сергей Багапш (при горячем желании турецкие власти могли бы этого не допустить). Осенью 2009 года Сухуми посещал известный турецкий дипломат Юнал Чевикоз, что спровоцировало слухи о возможном признании абхазской независимости Анкарой¹⁴. Турецкие продовольственные и промышленные товары до начала 2016 года занимали порядка 20–25% от общего объема абхазского рынка. Присутствовали и другие формы абхазо-турецких бизнес-контактов. Это и фрахт турецких рыболовецких судов во время путины, и экспорт угля из абхазского Ткварчели (Ткуарчала) на турецкую территорию.

Однако нынешняя конфронтация между двумя странами обозначила потенциальные точки риска не только на Ближнем Востоке, но и за его пределами. По мнению польского востоковеда Конрада Заштовта, «конфликт между Турцией и Россией из-за противоречивых интересов этих стран на Ближнем Востоке углубляет разделение Кавказского региона на два блока. Как результат Турция укрепляет свое политическое и экономическое сотрудничество с Грузией и Азербайджаном, в то время как Россия расширяет военную кооперацию с Арменией»¹⁵. Но насколько верно мнение представление о Кавказе, как о потенциальной площадке для столкновения российских и турецких интересов?

На первый взгляд, многие факты свидетельствуют в пользу данного тезиса. Так, в начале декабря, вскоре после инцидента с российским бомбардировщиком Су-24, турецкий премьер-министр Ахмет Давутоглу заявил, что «для разрешения конфликта в Нагорном Карабахе и мира в регионе необходимо полностью освободить оккупированные азербайджанские земли»¹⁶. В свою очередь, в конце 2015 года произошло усиление российского военного присутствия в Армении, а в начале февраля 2016 года был опубликован список поставляемых в эту республику российских вооружений.

¹⁴ Will Turkey take up Georgian plan? // <http://www.georgiatimes.info/en/interview/30711.html> 2010, February, 15.

¹⁵ Zaszowt K. The South Caucasus in the Shadow of the Russian-Turkish Crisis // https://www.pism.pl/files/?id_plik=21393 2016, February, 11.

¹⁶ Davutoglu: Our position on Karabakh is clear and open // <http://news.az/articles/karabakh/103245> 2015, December, 3.

В январе нынешнего года Абхазия, руководствуясь Договором с РФ о союзничестве и стратегическом партнерстве, присоединилась к российским санкциям против Анкары. Естественно, это не могло не отразиться на позициях турецкого руководства на грузинском направлении. Как следствие, появились дополнительные аргументы в турецко-грузинском диалоге. Неслучайно по итогам трехстороннего совещания в Тбилиси (19 февраля 2016 года) главы МИД Турции, Грузии и Азербайджана подписали совместную декларацию, в которой обеспечение территориальной целостности было обозначено в качестве одного из высших приоритетов региональной безопасности¹⁷.

В начале апреля 2016 года, после резкого обострения конфликта в Нагорном Карабахе, президент Эрдоган выразил поддержку Баку и соболезнования в адрес азербайджанских военнослужащих, погибших на линии соприкосновения сторон¹⁸.

Однако стоит отметить и другие резоны, не позволяющие нам говорить о жесткой фрагментации Кавказа по неким блокам во главе с РФ и Турцией. Во-первых, решение о наращивании российско-армянской военно-политической кооперации имело свою собственную логику и динамику. Оно было принято еще до инцидента с Су-24. В апреле прошлого года сообщалось о создании единых систем ПВО в Восточной Европе, Центральной Азии и на Кавказе в рамках СНГ. 11 ноября президент России Владимир Путин распорядился подготовить с Арменией документ о создании объединенной региональной системы ПВО в Кавказском регионе. Однако российско-турецкая конфронтация придала особую остроту всем этим планам, и если угодно, дополнительную символическую нагрузку. 23 декабря 2015 года министры обороны РФ и Армении Сергей Шойгу и Сейран Оганян подписали соглашение о создании совместной системы противовоздушной обороны. Тогда же, в декабре, поступила авиатехника более новых модификаций.

Во-вторых, какими бы ни были близкими позиции Анкары, Баку и Тбилиси, их нельзя считать полностью тождественными. Азербайджан имеет непростую динамику отношений с Западом, и в последнее время критика авторитарных методов Баку со стороны США и Евросоюза стала намного более жесткой. Россия уже не первый год видится в прикаспийской республике как противовес Западу и дополнительный источник международной легитимации правящего режима. Есть у Азербайджана свой интерес и к экономической кооперации с РФ, и к взаимодействию против джихадистской угрозы. Последний пункт способен заинтересовать и Грузию, столкнувшуюся с аналогичным вызовом в Панкиси. Неслучайно, кстати, и Тбилиси, и Баку не стали полностью отождествлять свои интересы с официальным Киевом, их позиции в 2014 – начале 2016 года выглядели более нюансированными. Азербайджан занимает весьма осторожную позицию по Сирии, опасаясь, как и Россия, коллапса светской государственности на Ближнем Востоке и экспорта джихадистских идей и прак-

¹⁷ Главы МИД Азербайджана, Турции и Грузии подписали совместную декларацию // <http://haqqin.az/news/63891> 2016.- 19 февраля.

¹⁸ Гордеев В. Эрдоган заявил о поддержке Азербайджана в связи с событиями в Карабахе // <http://www.rbc.ru/politics/02/04/2016/56ffe9f69a79477f6ca5b952> 2016.- 2 апреля.

тик. Как следствие, неготовность Баку к привязке своей внешнеполитической линии к турецкому подходу. «Наши отношения динамично развиваются как с Турцией, так и с Россией, и Азербайджан уделяет особое внимание углублению связей с обеими странами», – заявил в феврале 2016 года глава МИД прикаспийской республики Эльмар Мамедьяров, отметив при этом, что его страну не устраивает нынешнее состояние отношений между Москвой и Анкарой¹⁹.

В-третьих, столкнувшись с эскалацией конфликта в Нагорном Карабахе, Россия продолжает искать аккуратный баланс между Арменией (стратегическим союзником) и Азербайджаном (стратегическим партнером). Утратив многие рычаги влияния на Грузию после признания Абхазии и Южной Осетии в 2008 году, Москва не может позволить себе такой роскоши, как втягивание во вражду с Азербайджаном, чем, конечно же, не преминут воспользоваться турецкие политики. И в этом случае на дагестанском направлении мы рискуем получить дополнительные очаги нестабильности вдобавок к уже имеющимся (только с декабря 2015 года на территории Дагестана было четыре теракта под знаменем ИГ). Более того, превращение Азербайджана в откровенно враждебное государство завершит формирование антироссийской конфигурации Анкара — Баку — Тбилиси, в которой пока есть внутренние разногласия.

В-четвертых, из кавказского уравнения нельзя ни в коей мере исключать такую переменную, как Иран. Между тем, эта страна стремится вести самостоятельную линию, не примыкая ни к одному из центров силы (Запад или Россия). При этом Исламская республика – единственная страна, выступающая с критикой обновленных Мадридских принципов нагорно-карабахского урегулирования и полагающая, что данный вопрос, как и другие конфликты, должен разрешаться без участия внешних нерегionalных игроков. В разморозке конфликта (с возможным подключением той же Турции на стороне Азербайджана) Тегеран видит угрозу своим интересам, поскольку опасается в этом случае более активного военно-дипломатического вмешательства со стороны США и Евросоюза, в том числе – в формате миротворческой операции.

Но свой интерес к нормализации отношений с Ираном четко и последовательно проводит Азербайджан (23 февраля 2016 года состоялся визит Ильхама Алиева в Тегеран и его переговоры с духовным лидером Али Хаменеи и президентом Хасаном Роухани). В развитии двусторонних отношений с Тегераном видят перспективы и в Тбилиси (свидетельством чему энергетические переговоры между министром энергетики Грузии Кахой Каладзе и министром нефти Ирана Бижаном Намдаром Зангане в феврале 2016 года). Нормализация отношений с Западом и выход из режима санкций открывают перед Ираном новые возможности в Кавказском регионе, с чем не может не считаться ни один игрок, включая Москву и Анкару.

¹⁹ Цит.по: Э.Мамедьяров: «Такие отношения между Россией и Турцией не устраивают Азербайджан» // <http://haqqin.az/news/63619> 2016.- 15 февраля.

В-пятых, сам Запад, поддерживая «геополитический и энергетический плюрализм», в то же самое время не заинтересован в одностороннем усилении Турции, а также ее евразийских амбиций. Еще в июле 2006 года Палата представителей Конгресса США (во многом под влиянием армянского лобби) проголосовала за предоставление гарантий того, что никакие экспортные и импортные фонды не будут использованы для содействия проекту строительства железной дороги Баку – Ахалкалаки – Тбилиси – Карс в обход Армении. И по настоящее время эта позиция остается прежней.

Три сценария: между статус-кво и *modus vivendi*

Таким образом, говорить о разделении Кавказского региона из-за конфронтации России и Турции, имеющей четкую ближневосточную доминанту, пока не приходится, хотя опасность для реализации такого сценария имеется. Существующие неразрешенные этнополитические проблемы на фоне отсутствия прорыва в российско-турецких отношениях создают потенциальные риски.

В этой ситуации возможными представляются три сценария. Первый – это борьба за сохранение нынешнего статус-кво. Россия, не разрешив для себя проблемы Сирии и Украины, вряд ли захочет ломать нынешний порядок вещей на Кавказе. Особенно тогда, когда Запад, в отличие от украинского направления в этом регионе, фактически смирился с уходом Абхазии и Южной Осетии в российскую сферу влияния взамен на укрепление собственных позиций в Грузии (такой раздел лишь укрепляет положение дел, сложившееся в регионе после августа 2008 года).

Более того, для Москвы полный слом хрупкого статус-кво в Нагорном Карабахе может иметь крайне негативные последствия. Развитие ситуации по негативному сценарию поставит под вопрос перспективы евразийских интеграционных проектов (ОДКБ и ЕАЭС), учитывая отсутствие консенсуса среди их участников по поводу военно-политической поддержки Армении, а также резко противопоставить интересы Москвы и Баку, к чему сегодня не готовы обе стороны (даже в условиях российско-турецкой конфронтации).

Турция в своих возможных действиях по обострению ситуации в Карабахе (а к конфликтам в Абхазии и в Южной Осетии Анкара и до 2015 года, и после проявляла крайне ограниченный интерес) чрезвычайно ограничена фактором Запада. На сегодня непризнанная никем (даже Арменией) Нагорно-Карабахская Республика (НКР) – единственное образование такого рода на постсоветском пространстве,

получающее, хотя и незначительное, но финансирование из американского госбюджета. В случае активного и главное – открытого, военного вовлечения Анкары в конфликт армянское лобби и в Конгрессе США, и в европейских странах (прежде всего, во Франции), предпримет значительные усилия. Не факт, что это приведет к тотальной заморозке стратегически важных для обеих сторон американо-турецких отношений. Но в любом случае это не позволит представить конфликт, как гроху war между Россией и Западом (что де-факто удалось на Украине и в Грузии). Во многом именно по этой же причине (а также из-за отсутствия решающего военно-технического преимущества перед армянской стороной) Азербайджан не спешит конвертировать свою жесткую риторику в практические действия. Сдерживающую роль играет и Иран, рассматривающий полномасштабное возобновление военных действий как угрозу своим интересам.

Впрочем, сценарий сохранения статус-кво не означает полной заморозки ситуации. Не исключены варианты «тестирования» положения противоборствующих сторон и позиций стратегических союзников, стоящих за ними (России и Турции). Рост числа инцидентов на линии соприкосновения и вдоль армяно-азербайджанской границы за пределами собственно Нагорного Карабаха создает дополнительное напряжение, которое, среди прочего, интерпретируется и как следствие ближневосточного противостояния Москвы и Анкары (даже, если в действительности ситуация не такова).

Второй сценарий – негативный – предполагает активизацию военных действий и возможное перерастание инцидентов (обстрелы, диверсионные рейды) в полномасштабное противостояние с вовлечением третьих сторон (прежде всего, России и Турции). Развитие событий по этому алгоритму возможно в случае утраты (полной или значительной) контроля над ситуацией на линиях соприкосновения противоборствующих сторон. Вряд ли Анкара и Москва будут сами подталкивать к реализации этого варианта – по причинам, указанным выше. Но они могут стать его заложниками в случае, если эскалация уже произойдет. В этом особая опасность апрельского обострения.

Издержки от «сдачи» стратегического союзника могут оказаться слишком высокими. Таким образом, наибольший риск видится именно в том, что Россия и Турция могут оказаться не в состоянии предотвратить слом кавказского статус-кво, что опасно для них обеих. В случае реализации негативного сценария велик риск того, что и Москва, и Анкара будут вынуждены действовать фактически в одностороннем порядке. Их ближайшие союзники по ОДКБ и ЕАЭС, с одной стороны, и по НАТО – с другой, не имеют прямого интереса ни к вмешательству в противостояние в Нагорном Карабахе, ни к участию в его урегулировании в стадии новой эскалации. От реализации негативного сценария удерживает имеющаяся и в Армении, и в Азербайджане вертикаль власти. В случае же внутривнутриполитической дестабилизации в обеих странах (причины здесь вторичны) положение дел может измениться и не в лучшую сторону.

Третий сценарий – нахождение некоего *modus vivendi* и улучшение отношений – представляется в краткосрочной перспективе маловероятным. Более того, поскольку сегодняшняя конфронтация актуализирована ближневосточными событиями, то именно из этого региона должен начаться процесс нормализации. Возможно, успех перемирия и мирного процесса в Сирии сделает позиции Москвы и Анкары ближе (или создаст некие предпосылки для сглаживания противоречий). В этом случае возможно и снижение рисков в других регионах, где интересы двух стран пересекаются.

#Valdaiclub

Valdai Club

Valdai International
Discussion Club

www.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ